

Настоящий специальный номер журнала «Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии» посвящен исследованиям студентов Учебно-научного Центра изучения религий, выполненным в рамках гранта Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) по теме «Феномен культа как предмет исследования гуманитарных наук» (2022). Культ – один из подлинно сложных феноменов человеческой культуры. Изучением этого феномена занимаются представители разных научных школ и направлений, анализируя в интересующих их аспектах его природу. Никто серьезно не сомневается в реальности существования культа как особого *феномена*, однако ведутся споры о точном его определении в рамках теории конкретной науки. Следует прояснить, как именно я предлагаю различать феномен и понятие, и для этого можно воспользоваться известной метафорой с замком и ключами. Понятия – это отмычки от феномена, так и остающегося непонятым до конца ни одной наукой. Однако если эти отмычки и не помогают открыть замок, они, по крайней мере, помогают понять некоторые механизмы его работы – и, бывает, что этого оказывается достаточным, чтобы добраться до искомого. Цель этого небольшого текста – продемонстрировать сложность феномена культа и многообразие теоретических оптик, которые могут быть применены для его анализа.

Исторически сложилось так, что понятие «культ» распространено прежде всего среди социологов религии, которые определяют его как особую *социальную форму организации религиозной практики*. Культ также стал предметом исследования психологов – для них культ может выступать, например, как совокупность ритуальных действий, влияющих на *психику* его практиков. «Культ» – во всем многообразии его исторических форм – трудно исчерпать историкам и антропологам религии, обращающимся к бесконечному *многообразию* религиозных культов: от обожествления любовника императора Адриана Антиноя до культа современной «реинкарнации» Иисуса Алана Джона Миллера и реинкарнации Марии Магдалины Мэри Сьюзан Лакк из австралийского объединения «Божественная истина». Наконец, философы религии рассуждают о культе как о специфическом религиозном условии существования человеческой культуры.

Кроме различных исследователей религии феномен «культа» интересует социологов, философов, культурологов и искусствоведов. Социологов он интересует, прежде всего, в контексте социальной и коммуникативной теории «вещи», например, они хотят знать, как физические объекты организуют вокруг себя социальные практики и какую роль эти объекты играют в повседневной коммуникации. К примеру, французский философ Мишель Серр рассуждал в рамках своей теории объектов о том, что коллективное социальное действие возможно благодаря «вещам», которые не могут быть присвоены индивидом. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, он, говоря о коллективном социальном действии, использовал популярную метафору игры. В качестве примера он указывал на футбол, который предполагает, что люди вынуждены постоянно расставаться с футбольным мечом, благодаря чему они и могут достичь коллективного результата.

Иными словами, не мы вкладываем смыслы в вещи и используем их, но сами вещи определяют смыслы и то, как мы ими пользуемся. Культ в рамках такой теории «вещей», выступающих не как инструменты, но как агенты социальной коммуникации, рассматривается как необходимая составляющая социальной практики и понимается как *действие объекта*, организующего вокруг себя социальную практику. Именно «вещи» и связанные с ними «культы» оказываются условием для формирования определенной социальной горизонтальной и вертикальной диспозиции. Как позднее заметит Бруно Латур, в конечном счете именно благодаря наличию дискретных «вещей» социальная реальность не оказывается тотальной, так как именно «вещи» способствуют не только консолидации, но и дисперсии социальных групп, увлеченных, выражаясь религиозным языком, «почитанием» различных вещей. Неудивительно, что кубок чемпионата мира по футболу, появившийся в 1974 году, отсылает своей формой и к планете Земля и к хрустальному шару медиума. Не то, чтобы футболисты во время игры «поклоняются» мячу, но, учитывая свойственную им практику целования мяча, что называется, на «удачу» – думаю, что и футбол вполне может быть признан культовой практикой, пусть и в социологическом, а не в религиозно-ведческом смысле.

«Культ», рассматриваемый как действие «вещей» на социальную реальность, хорошо соотносится с популярной в ранней социологии религии концепцией фетишизма. Фетиш в ранней социологии определялся как объект, обладающий с точки зрения фетишиста скрытыми «силами» личной или безличной природы. Однако, как показали различные исследования, «фетиш» не предполагает наличие у фетишиста веры в его сверхъестественные свойства. Соответственно, фетиш – это просто вещь, в отношении

к которой возникает привязанность безотносительно ее конкретного символического значения. Поэтому в социологии объем понятия «фетиш» был увеличен – фетишем может стать любой предмет, начиная с современного технологического гаджета и заканчивая заброшенными строениями. Фетиш оказывается объектом, символизирующим стоящую за ним реальность (например, науку, искусство и секс). С этой точки зрения, главная функция культа заключается в превращении объектов физической реальности в фетиши, открывающие доступ к символической реальности.

«Культ» также рассматривается философами в связи с проблемой инструментального отношения человека к миру. Корни проблематизации инструментализма уходят в христианскую теологию, которая учила необходимости эмоционального вовлечения в ритуальные действия без ожидания какой-либо практической для себя выгоды. Критикуя инструментальное понимание техники, Мартин Хайдеггер утверждал ее как средство «выведения» в феноменальный мир скрытого до определенного времени результата. С этой точки зрения техника в узком значении слова – например машины и инструменты – является не более чем продолжением технического освоения мира, машины – это не более чем овеществленные человеческие функции. Сама техника может быть определена как человеческая функция, в основе которой лежат психологический автоматизм и умозрительный математический алгоритм, гарантирующие воспроизведение определенного порядка вещей.

Культ в рамках такого подхода может рассматриваться как *техника*, которая призвана воспроизводить определенную человеческую функцию X. На роль главной функции культа, на мой взгляд, могла бы претендовать *трансгрессия* – бытование на границе между имманентным и трансцендентным, нарушение запрета, не отменяющее самого запрета и не снимающее окончательно саму границу. Можно предположить, что создание машины является попыткой выйти за пределы человеческого «я» в имманентном мире, не прибегая к метафизическим идеям души, посмертного существования и Бога.

Культурологи и искусствоведы также задумываются об исследованиях «культа». Словосочетания «культовый объект» или «икона моды» часто используются в различных сферах искусства. Понятие «культовый объект» обычно указывает на такие произведения искусства, вокруг которых складываются практики, дискурсы и сообщества. Под «иконой моды» обычно имеют в виду человека, выступающего как лицо, служащее эталоном современного стиля. Феномен культа обсуждается в рамках теории моды, которая пытается, например в лице Бьорна Ширмера, модернизировать

применительно к моде теоретические наработки социологии религии. Участие в том или ином из «культов» моды рассматривается как символический, социальный и даже биологический механизм защиты, основанный на мимикрии. Мода часто опознается как феномен власти, поскольку она задает ориентир различения своего и чужого и проведения соответствующей символической границы. Соответственно, мода также поддерживает социальные иерархии при помощи вещей, закрепляя их за социальными статусами. В рамках такого социологического подхода к моде «культ» можно рассматривать как *средство исполнения желания принадлежать к иной социальной реальности*, на которую указывают артефакты моды. Мода возвышает человека над обыденностью его существования, и обретение ее артефактов становится компенсаторным средством – благодаря этому механизму существуют не только «культовые бренды», но и индустрия соответствующих подделок. Симулякр реальности продается, так как, на взгляд профана, он не отличим от объекта его желания.

Для культурологов особый интерес представляют современные культы знаменитостей, которые рассматриваются в рамках междисциплинарного поля «celebrity studies». Некоторые исследователи уже в начале 2010-х гг. говорили о том, что благодаря новым медиа «celebrity» («звездность») стала «новой религией» – благодаря наличию «звезд», притягивающих к себе взгляды публики, формируются орбиты влияния и целые солнечные системы больших и меньших планет, вращающихся вокруг мега-звезды. Хотя религиоведы обращали недостаточно внимания на смычку «теории знаменитости» и религии, ясно, что между почитанием Мадонны и почитанием Марии можно усмотреть некоторое сходство. Разработанный концепт с характерным названием «почитание звезд» («celebrity worship») основывается на анализе общеизвестного поведения фанатов (копирование мимики, жестов, одежды звезды; изучение ее личной жизни, участие в обсуждении ее действий и т. д.) – многие в таких «культах» состоят довольно долго. Знаменитостей сравнивают со *святыми*, и, пожалуй, это наиболее удачная религиозная аналогия, позволяющая разрабатывать теории на стыке теории религии, описывающей отношение к святым, и *теории знаменитостей*. В конечном счете, что такое бросание палочек и медиатора в толпу, как не культовое действие? Что такое популярный феномен *косплея*, как не следствие желания приобщиться к той или иной символической реальности посредством ее материального воспроизведения?

Мы видим, что «культ» проблематизирован по-разному в разных сферах гуманитарных исследований. Можно предположить, что генезис такого расширенного употребления понятия «культ»

следует отнести к началу 1970-х гг., когда дискуссии о природе «культа» стали частью дискуссии о понятии «контркультура», ассоциированном в то время с молодежным движением хиппи, противопоставлявших свой образ жизни ценностям своих родителей и обращавшихся за ориентирами к авторитетам восточных «культовых» гуру. В 1960–1970-е гг. в странах Европы и США происходит сексуальная революция, благодаря которой снимается табу на публичную демонстрацию обнаженного женского тела, которое еще с 1950-х гг. в лице Мэрилин Монро стало использоваться как способ позиционирования товара на рынке. В эпоху расцвета «cultural studies» в социологии неудивительно, что скоро узкое понятие «культ» сначала из религиозного, а потом социологического лексикона стало использоваться в различных областях академического исследования культуры.

Здесь хотелось бы остановиться и задаться, пожалуй, фундаментальным вопросом исследований феномена культа. Само понятие «культ» указывает на его лингвистическую близость к другому слову – «культуре». Неоднократно философы и культурологи пытались связать рассуждения о природе «культуры» с рассуждениями о природе «культа», показав, что близость этих двух феноменов лингвистикой не исчерпывается, но имеет также более фундаментальную природу. В рассуждениях о том, чем могла бы быть эта *«природа»*, можно выделить в европейской культуре два больших направления мысли, которые для простоты можно обозначить как «горизонтальное» и «вертикальное». Горизонтальное направление мысли – более социологическое – рассматривает культ как *условие человеческого общежития*, «вертикальное» – более психологическое – видит в культе условие *индивидуального человеческого существования*, требующего преодоления положенных ему границ. Иногда эти направления тематизируются в исследовательской литературе как «гражданское» и «христианское» и, соответственно, противопоставляются: «гражданское», ориентированное на чувственный опыт, оказывается сопряжено с эмпиризмом, натурализмом, равенством и методом аналогии; «христианское», ориентированное на мышление, – с рационализмом, сверхъестественным, иерархией и поиском скрытой причины. При этом оба направления предполагают разговор о *«культовой» природе культуры*, а также определяют *культуру как совокупность культов*.

В чем же состоит «культовая» природа культуры? Культ – в рамках такого подхода – определяется через идею *особого отношения субъекта культа – «культиста» – к его объекту*. Психология и социология различным образом уточняли характеристики этого отношения, однако, на мой взгляд, главной остается, в конечном счете, характеристика этого отношения как отношения *зависимости*.

Идет ли речь о фетише или о навязчивой идее, о теории, которая открывает все, или мечте, которая манит за собой, во всех случаях человек оказывается зависим от объекта, лежащего в пределах его чувств и / или мышления.

Независимо от того, «желает» ли человек этот объект, или испытывает к нему отвращение, он определенно принимает его во *внимание* – и в этом выражается его зависимость. Поэтому часто культ сопрягается с его кажущимся на первый взгляд антиподом – «*антикультом*», который, однако, с точки зрения такой *психологической теории зависимости* является не чем иным, как разновидностью *культа* – его оборотной ипостасью. С социальной точки зрения, действия, нацеленные на уничтожение культа, способствуют его консолидации, поэтому карта «осажденной крепости» так часто разыгрывается последователями культа, а, к примеру, символические атаки в медиасфере только способствуют росту подписчиков и потенциальных участников.

Следует признать, что такое фундаментальное определение культа – через идею зависимости – оказывается синонимично определению религии как связи с Богом, а сама культура – как совокупность культов – оказывается построенной на *человеческой зависимости* от внешних условий. Культура существует, только пока существует культ и пока есть, выражаясь религиозным языком, объект поклонения, побуждающий к действию. Социальная стратификация культуры показывает, что люди – в большей или меньшей степени – организованы вокруг фетишей, будь это наше рабочее место или новый фильм, порождающий волну реакций. В этом отношении культура со всем многообразием ее институтов представляет собой совокупность культов, в которых мы участвуем, исходя из разных интересов и с различной степенью участия.

Зависимость может формироваться не только в отношении к физическим объектам, но и в отношении к идее – такая зависимость, таким образом, выводит человека за пределы социальной реальности, которая всегда дается человеку в его переживании. Наличие такого рода «интеллектуальной» зависимости осознавалось исследователями, предлагавшими понятие «аудиторного культа». Такое понимание культа стало особо востребовано в цифровую эпоху, когда информация стала доноситься до потребителя быстрее и, соответственно, формирование культов – сначала как идеологических, а затем и как социальных явлений – значительно ускорилось. Именно цифровая реальность привела к взрыву культов, образование которых стало во многом делом технологий – в отсутствии доминанты большого нарратива и доминирующей в американской и европейской культуре апологии индивидуалистического консюмеризма.

Определение культа через понятие «отношения зависимости» позволяет понять психологические причины формирования культов. Работник кофейни отчужден по большому счету от его работы, он всего лишь выполняет функцию, не владея результатами своего труда, однако всякий толковый менеджер стремится сделать так, чтобы работник кофейни сам захотел бы делать свою работу. Вторая, после зависимости, психологическая характеристика культа – его участники должны получать *удовлетворение* – того или иного рода – от того, что они делают, для того чтобы возвращаться снова и снова к этому действию. Там, где возникает удовлетворение, возникает предпосылка для культа, там же, где удовлетворения нет, возникает *отчуждение* от деятельности – процесс, который можно обозначить как подлинно антикультовый процесс. Как показывает опыт, культ может также быть практикой, которая *компенсирует* – в психологическом смысле – негативную сторону вовлечения в ту или иную деятельность, по отношению к которой человек не испытывает удовлетворения.

Именно *деятельность* является одним из самых популярных «ключей» к пониманию феномена культа. Такое понимание природы культа восходит к латинской историографии: наиболее известным значением слова «cultus» в латинском языке являются «поклонение» или «забота». С этой хорошо известной религиоведам-антропологам точки зрения, в основе культа лежит *ритуал* – повторяющаяся деятельность, направленная на достижение религиозной цели. Социологи религии часто добавляют, что «культ» в этом значении может иметь различные формы, определяющиеся границами разных социальных групп: частную, семейную, локальную, городскую, государственную – как наиболее распространенные.

Также одним из классических социально-политических подходов к пониманию природы культа является *социальная теория власти*. В рамках этой теории культ можно определить как систему управления людьми, основанную на признании *авторитета* лица, осуществляющего такое управление. Часто в рамках этого подхода подчеркивается, что культ возникает тогда, когда субъект культа беспрекословно подчиняется лидеру культа. Кроме того, указывается, что объект культа и лидер культа могут зачастую совпадать различными способами, например когда лидер культа оказывается заместителем отсутствующего объекта (например, в том случае, если он объявляет себя воплощением Иисуса из Назарета). Многие теории власти оперируют религиозным понятием *харизмы*, подчеркивая не до конца разгаданную природу культового лидерства.

Не меньшее внимание, чем фигура *лидера культа* у социологов вызывает *социальный механизм* работы культа, т. е. та совокупность действий, благодаря которым культ может сохранять себя как отдельная социальная единица. В конечном счете ставится вопрос о причинах сохранения *культового потенциала*. Под *культовым потенциалом* можно понимать способность участников производить работу, ничего не получая взамен или производя ее несоизмеримо больше по сравнению с тем, что – с материальной точки зрения – они за нее получают. Иными словами, это вопрос о том, почему в культе символические награды неизменно превалируют над материальными и воспринимаются членами как наивысшая ценность. Здесь одни исследователи делают акцент на качествах лидера культа, другие – на поддержании правильных социальных отношений внутри культа, третьи указывают на необходимость совместных коллективных действий, четвертые – на важность коллективной репрезентации перед лицом иных объединений и т. д. В конечном счете, с точки зрения культового потенциала, любая деятельность балансирует между механической работой и психологическим вовлечением, и «культ» в этом отношении оказывается социальной единицей, максимальным образом способствующей психологическому вовлечению.

Также в плоскости социологии ставятся вопросы о *взаимодействии* культов. К примеру, очевидный пример – конфликт семейного и религиозного культов, проявляющийся часто в период подросткового взросления, требующего сепарации и обретения новых, независимых от семьи, социальных фетишей, будь то известные музыканты, философы, книги или вещи. При этом ясно, что *эксклюзивизм* не является отличительной характеристикой культа, человек может быть участником различных культовых практик, более того, жизнь человека проходит зачастую в служении разным господам одновременно. В то же время, в конечном счете, крайняя степень зависимости субъекта культа от его объекта всегда соотносится именно с эксклюзивизмом.

В отличие от социальных культов, обладающих обычно стабильной социальной структурой, *культы психологические* имеют нестабильное *членство*. Такое членство зависит от психологических установок индивида, которые меняются под влиянием разных факторов. К примеру, можно «подсесть» на какой-то «медиаканал», проверяя его «обновления», однако со временем относительно легко оставить это увлечение. Такую перемену в приверженности «культу» можно назвать «*дрифтом*» – это феномен, хорошо известный современным исследователям религии, говорящим о специфическом «духовном поиске» людей, перебирающихся из одной традиции в другую традицию. Сейчас этот «дрифт» лучше

всего виден на примере *сериальной культуры*, создающей вокруг себя временные объединения лиц, задающих общую систему коммуникации и смысла, строящуюся вокруг ключевых событий кинематографического нарратива.

Култ не обязательно остается *отрефлексированным* самим субъектом – объект культа может быть частью психики и проявляться в широком многообразии форм. Речь идет, к примеру, о *теории коллективных архетипов*, которую можно рассматривать как психологический прототип для различных культов. «Култ женщины», к примеру, в таком случае существует не только как поэтический эвфемизм, или сексистская метафора, но и как содержание психики, проявляющее себя в различных формах культуры – от древней богини-матери до современной *femme fatale*. С психологической точки зрения легко объяснить, почему у «женщины» – в ее различных ипостасях – так много поклонников, например миллионы подписчиков женских инстаграммов и мужских журналов. Сходным образом «култ науки» или «култ искусства» – все это не более чем обозначения деятельности лиц, получающих от нее удовлетворение и, соответствующим образом, тяготеющих к тому или иному «архетипу». Можно предположить, что культовые практики, в которые может быть вовлечен субъект, зависят от его психологических установок.

Наконец, в современной европейской культуре представлено две противоположных *оценки* культа. Первое отношение видит в культе *патологию*, второе – *заял успеха*. Патологическая интерпретация исходит из специфического понимания актуальной социальной и психологической нормы. К примеру, норма, исходящая из идеи о ценности каждой человеческой жизни, утверждает недопустимость самоубийства. Следовательно, самоубийство по религиозным мотивам определяется как социальное следствие наступивших нарушений в психике. Именно самоубийство в ранней социологии религии приковало к себе внимание как яркий знак социальной аномии. Самоубийство подрывало социальный институт и противоречило индивидуалистической биологической теории выживания наиболее приспособленных. Фактически – и это также хорошо осознавалось в ранней социологии религии – религиозный «култ» определялся как *негативная альтернатива* социально одобряемым культам, которые следовало, в свою очередь, определять публично не как «культы», но как часть повседневного контекста действия.

Другой аспект критики культа как патологии – это *степень зависимости* субъекта от объекта культа. Любая зависимость, ограничивающая субъекта в принятии ключевых решений, прежде всего касающихся жизнеобеспечения, рассматривается как радикальная угроза. Такая патологическая линия в интерпретации

культы, на мой взгляд, коренится в традиции европейского гуманизма, рассматривающего человека как высшую ценность, которой нельзя жертвовать ни при каких обстоятельствах. Кроме того, ее истоки можно увидеть в христианской антропологии, учившей о недопустимости поклонения как выдуманному, так и материальным идолам.

Парадоксальным образом позитивная оценка «культы» также коренится в христианстве, постулировавшем *связь* человека и Бога как необходимое условие спасения индивида. Как давно указал Роберт Мертон, с точки зрения протестантской этики успешность в деятельности позволяет предположить, насколько близок человек к исполнению воли Бога. Кроме того, такое позитивное отношение к культу обычно поддерживают политики, осознающие значение культов для поддержания социальной стабильности. Именно власть обуславливает социальную сегрегацию «положительных» и «негативных» культов, поэтому центральный «политический культ» с вверенным ему парламентом-пантеоном процветает, а «культы религиозные» подвергаются ограничениям, так как считаются потенциальной социальной угрозой сложившемуся социальному status quo.

Если в Средние века роль социальных стабилизаторов играли святые, сейчас эту играют инстаграмм-звезды, предоставляя зримые объекты для складывания популярных культов. Поэтому в современной массовой культуре «культ» становится синонимом социального признания, а культовый статус – частая характеристика как материального, так и символического успеха. Наконец, «культ» оценивается позитивно, поскольку он предполагает социально приемлемый фанатизм. Без такого фанатизма не бывает высоких показателей – это часть экономического габитуса современного общества, понуждающая человека быть эффективным и ставящая эффективность в зависимость от желания быть тем, кем человек еще не является. В этом отношении культ приветствуется как пространство *самореализации*, в котором единственно возможно обретение желаемого.

В.С. Раздьяконов